

высокое звание рыцаря мог нарушить свое обещание или отказаться подчиняться командам начальника. Почему же так много рыцарей, удивлялся он, не соблюдали этих законов? Возмущаясь тем уроном, который отступники нанесли предприятию, он решил, что те сочли более безопасным делом отправиться в Сирию, где у христиан в руках были некоторые города, чем рисковать, ведя военные действия в стране, которая полностью находилась в руках мусульман (до чего дело так и не дошло, и горе-крестоносцы отправились громить православных христиан Восточной Римской империи. – Ред.). Тем не менее, затрагивая вопрос о человеческой непоследовательности и повествуя о судьбе тех, кто ушел в Сирию, Виллардуэн говорит об отсутствии у них не столько храбрости, сколько мудрости, что он и осуждает. Говоря о них не столько с гневом, сколько с жалостью, он отдает дань памяти этих достойных рыцарей, сожалея лишь о том, что они сделали неправильный выбор и сполна заплатили за свои грехи и глупости.

Что же до обвинений, что Виллардуэн, рассказывая о разрухе в армии и дезертирстве из нее, не уделил внимания религиозным угрызениям совести тех, кто протестовал против войны с христианами, то в тот отрезок времени было трудно определить, насколько эти протесты серьезны и смогут ли они быть предлогом для распада армии. В деле аббата Во были некоторые основания для подозрений; этот клирик, сея раздоры в армии крестоносцев и, наконец, оставив ее в хаосе религиозных терзаний, отнюдь не проявил такого чистоплюйства, когда в 1209 году взял на себя ведущую роль в «крестовом походе» против альбигойцев, которые в своем понимании христианства ничуть не уступали грекам (нельзя даже сравнивать православных (т. е. «ортодоксальных») христиан Восточной Римской империи и еретиков-катаров (альбигойцев), которые, в частности, предлагали «дешевое спасение» – стать совершенными перед самой смертью, а пока жить в свое удовольствие, распутничать. Катары утверждали, что есть два бога – добрый и злой, и весь материальный мир находится во власти злого бога (а добрый бог ведает духовным); они отрицали учение о смерти и воскресении Христа, объявляли ненужными таинства церкви, почитание креста, икон и сами храмы. И автор тем не менее ставит катаров на одну доску с жертвами алчности венецианцев и крестоносцев – православными. – Ред.).

Учитывая все эти обстоятельства, трудно удивляться, что Виллардуэн, убежденный, что единственная надежда снова взять Иерусалим заключается в единстве всех воинов Крестового похода, не мог терпимо относиться к тем, кто ослаблял крестоносное воинство, и не испытывал симпатии к тем, кто провоцировал религиозные споры. Разве не сам папа, на первых порах возмущенный нападением крестоносцев на христианский город Зару, даровал им отпущение грехов на том основании, что они действовали в крайне напряженных условиях, разве не он предостерег их от распада армии? Более того – в то же время, когда аббат Во доставлял столько неприятностей, его святейшество, полагаясь на полученное от Алексея (Ангела) обещание привести греческую (православную. – Ред.) церковь в лоно Рима, помедлив, наконец все же дал крестоносцам знать, что не возражает против похода на Константинополь, предполагая, что таким образом свершится объединение Римской и ортодоксальной (православной) церкви.

Эта надежда никогда не сбылась, и крестоносная армия так и не смогла взять святой город (т. е. Иерусалим). С того времени, как в феврале 1204 года крестоносцы предъявили свой ультиматум императору Алексею IV, все замыслы Крестового похода потеряли очертания в ряде стычек между французами и греками (византийцами) и в многочисленных трудностях, которые последовали за созданием силой оружия т. н. «Латинской Римской империи». В этой последней части хроники Виллардуэна необходимо принимать во внимание его взгляды. Рассказывая о событиях с французской точки зрения, он объясняет ход событий предрассудками греков. То, что с их стороны было мужественной попыткой завоеванной нации восстановить свою потерянную независимость, в его глазах было доказательством, что греки по своей натуре склонны к предательству и нелояльности. Но если не считать этих его предубеждений, хроника Виллардуэна дает честный отчет о долгой и трагической войне между христианами Востока и Запада, из которого мы можем делать свои выводы.

Из фактов, которые сообщает нам Виллардуэн, очевидно, что, с самого начала уверившись в своей мощи, завоеватели сделали фатальную ошибку, недооценив сопротивление, с которым им придется столкнуться. Уверенные после быстрого взятия Константинополя, что подчинить остальную империю будет легче легкого, и явно не осознавая ту силу ненависти, с которой культурная раса относилась к невежественным варварам, грабившим и разрушавшим их любимый город – один из прекраснейших (видимо, прекраснейший. – Ред.) центров цивилизации в тогдашнем ми-